

НЕОБХОДИМАЯ СВЯЗЬ

Независимая газета
— 1999. — 11 авг. — с. 7

Лауреат премии Антибукер-98 прозаик Андрей Волос наиболее ценными считает те книги, которые являются не литературой, а «отходами жизни»

Мария Ремизова

АНДРЕЙ, изменилась ли как-то ваша литературная судьба после получения Антибукеровской премии?

— Ну, чтобы изменить литературную судьбу, нужно, видимо, родиться другим человеком и в другое время. Нет, не изменилась. Что касается премии, то все ее, разумеется, приветствовали — и я сам, и мои друзья, и те люди, с которыми меня связывают именно литературные отношения (не в том смысле, что мы — персонажи, а в том, что самое интересное в нашем общении — это литература). Я немного загорился. Хотелось встать в такую красивую позу, как на постаменте в Летнем саду, и ждать, когда придут изда-тели с криком: «Я первый! Я первый!» Я и встал. Но издатели оказались слепее. Лучше умеют держать себя в руках. Снеслось со мной только одно издательство, с которым я давно имел дело, — «Олма-пресс», рукопись лежала у них года полтора. Предложили договор, но условия оказались для меня шокирующими. Пока я до-ходил до мысли, что книгоизда-ние есть бизнес и следует сделать ответные предложения, настало лето и процесс книгоиздания за-мерз. Или поплыл. Есть еще два издательства, которые хотят (вроде бы) печатать «Хуррамабад». Мне кажется, это дело можно бы оказаться выгодным. Но пер-вую вещь достаточно раскручен, на мой взгляд, уже самим фактом премии. Во-вторых, по мнению, например, Виктора Топорова, это вообще никакая не проза, а ти-пичный аспект, и, как он написал в статье по итогам вручения Анти-букера, лежать бы этой книге на прилавках вместе с другими и продаваться не хуже других... Но вот пока не лежит. Похоже, что не все разделяют точку зрения Топо-рова. Или все-таки книга — не совсем аспект. Вообще, что каса-ется художественной прозы, то, к сожалению, книгопечатники из-дают не книги, а серии. Я пони-маю, это их денежное дело, одна-ко нет серии — не будет и книги. Несколько издателей говорили мне о своей заинтересованности в напечатании «Хуррамабада», а свое промедление объясняли при-мерно следующим образом: мол, как только они решат свои страте-гические проблемы, как только запустят давно ожидаемую серию, так тут же появится и книга... Рек-визиты опустим.

— И как вы к этой ситуации от-носитесь?

— Я к этой ситуации никак не отношусь. Мое дело маленькое, и я его уже сделал. Конечно, жалко, что книга не издана. Полгода на-зад, когда вручалась премия, у ме-ня не было этого ощущения. Кстати говоря, с тех пор в «Хурра-мабаде» появился новый эпизод.

— Вы имеете в виду повесть «Сирийские розы», которая долж-на выйти в «Новом мире»?

— Да, в девятом номере... Изве-стный эффект, когда книжка на-чинает тяготить. Она уже совсем готова, ее почитать бы всем — нет, валяется в столе, держит как-то, за рубашку хватает, не дает идти свободно... Отчасти, может быть, поэтому ищешь поводы, чтобы не работать, а заниматься разреше-нием жизненных ситуаций не на бумаге.

— А для вас хуррамабадская тема еще не изжитая или вы просто не видите себя вне этой темы?

— Я вижу себя и вне этой темы. Но, может быть, не вижу этой те-мы вне себя. Давно уже пишу сравнительно большую вещь (сравнительно с рассказами; кста-ти говоря, ничего кроме рассказов я писать не умею, поэтому больша-я вещь — это вовсе не роман, а опять-таки рассказ, только длин-ный-линный) из совершенно не-хуррамабадской жизни. И прежде были рассказы и повести, кото-рые не имели к Хуррамабаду ни-какого отношения. Однако Хур-рамабад, видимо, будет всегда, потому что это огромный кусок моей жизни. Забыть его невоз-можно. Самые яркие впечатления — детские, а они связаны с тем са-мым местом, которое я с некото-рых пор называю Хуррамабадом.

— Вы большую часть жизни про-жили в Душанбе?

— Нет. Я окончил школу в 72-м году и уехал учиться в Москву. Но все эти годы был очень тесно связан с Душанбе, потому что до самого последнего времени там оставались мои родители. Три го-да назад они переехали, и тем са-мым необходимая связь (мне приходилось дважды, а то и трижды в год наезжать в Душанбе — и я хотел это делать, мне было это очень приятно) прервалась. Кроме того, моя литературная (в кавычках) жизнь началась имен-но в Душанбе — с печатания стих-ов в журнале «Памир». Тогда (конiec семидесятых годов), если вы помните ту атмосферу, по-пытки напечататься сводились к разрешению вопроса «о чем», а не «как и зачем»... Сейчас вспо-минаешь — смешно, а тогда было довольно-таки тягостно, против-но и безвыходно. В Москве уда-валось чего-то тиснуть что бы то ни было очень редко (пусть меня упрекну-т, но что делать: я хотел видеть свои творения (создания, произведения, тексты — как удо-бно) напечатанными), а там жур-нал «Памир» меня исправно пе-чатал. Но когда мне стало казаться, что меня печатают слишком редко — потому что стихи можно было напечатать два раза в год, нет, даже один, — я стал перево-дить с таджикского. Опять же из желания печататься чаще. Начи-нал переводить с подстрочников. Вообще, эта грустная история подробно описана в рассказе «Таджикские игры». Когда я уви-дел, что встал на путь совершенно тибельный — переводить с подстрочника и ни бельмеса не понимать, — я принял учиться язык. Выучил. По крайней мере до такой степени, что мог сво-

бодно читать практически все. Потом я переводить перестал — невозможно всю жизнь этим за-ниматься, хотя переводческая де-ятельность тоже подарила мне ряд очень приятных пережива-ний. И постепенно язык, конеч-но, забылся. Зато остался инте-рес к культуре.

— В «Хуррамабаде» описаны, в частности, и довольно страшные события. Вы сами были свиде-телем?

— Нет, не был. В погромы 90-го года — нет, не попадал. Но, по-вторю, в те годы в Душанбе жи-ли мой отец, мать, бабушка, и мне было в высшей степени инте-ресно, что с ними там происхо-дит. Например, тот же 90-й год. События происходили в феврале. Я приехал в конце апреля. Не нужно непосредственно участво-вать в событиях, чтобы все это оценить — заколоченные двери проходных подъездов, пожжен-ные здания... ну и так далее.

— Очень сильное впечатление на меня произвел эпизод в одной из новелл, где старушка пытается продать пилу...

— Это называется «Дом у реки».

— Возможно, это особенность современного сознания, которое привыкло к тому, что убивают, что льется кровь, — а вот эта старуш-ка, которая, когда торговец сказал ей «нет»... Она заранее знала, что ответ будет «нет», и так обреченно пошла прочь...

— Кажется, в тексте сказано: она знала, что за треснутую пилу ничего не дадут, а другой пилы у нее не было... Нет, конечно, именно этой сценки я не видел, но людей, старух, которые си-дят... сидели — сейчас ничего то-го там нет (то ли уехали, то ли и впрямь вымерли...), эти бедные старухи, которым деваться было некуда, и продавали все: непар-ные тапочки, в общем, предметы, которые непонятно кто мог куп-ить, но в силу оптической бедности все же, покупали — это я видел. И ничем не мог помочь. Увы. Тад-жикистан вообще страна очень бедная, в советские времена все-гда фигурировал в последних строчках всяких там статистик.

— Если я правильно прочтываю ваш текст, вам больно за этих лю-дей?

— Ну как сказать... Больно, это когда иголкой тычут... Ну боль-но... Я вообще не люблю этих громких слов — больно, не боль-но. Есть текст, вы его читаете, де-лаете умозаключения...

— Интенция к созданию текста была какая?

— Это вопрос, на который че-ловек много лет пытается полу-чить ответ, — и я в частности. Всегда движет целый комплекс разных позывов, начиная с самых духовных и кончая самыми низ-менными и материальными. Диа-пазон широкий, и на каждой сту-пенечке можно отыскать свою интенцию.

— Ну, вынесем за скобки оче-видные материальные позывы...

— Теперь сама жизнь их вынес-ла за скобки. Практически ника-

Писатель Андрей Волос.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

ких материальных благ за писа-тельство получить нельзя.

— А вы любите Душанбе?

— Что значит «любите вы Ду-шанбе»? Люблю, да. Потому что я там родился, я там вырос, это моя родина. Однако, когда меня не-давно звали туда поехать — и я бы, конечно, обязательно поехал и очень рвался и пытался эту поезд-ку организовать, но не получи-лось, — я себя спрашивал: хочу ли я ехать в Душанбе? И отчужденно понимал — нет, я в Душанбе ехать не хочу. Ну, повторяю, поехал бы. Очень жалко, что не смог.

— Потому что город другой?

— Потому что город другой, по-тому что там все кончилось...

— То есть вы до некоторой сте-пени пытаетесь для себя воссо-здать утраченное... ну что-то вроде «что пройдет, будет мило»?

— Наверное, да. Это и есть одна из интенций любой литературы. Человек ведь всегда использует свой опыт, и что бы он ни писал — фантастический роман или сказку для детей, — он использует свой опыт, и для него это есть возрождение его жизни.

— Значит, у вас все-таки есть мотив утраченной родины?

— Нет у меня такого мотива: ут-раченная родина из литературо-ведческого словаря. В свое время в одном очерке я сформулировал это таким образом: вот я приехал и иду по городу; раньше, когда там все было нормально и хоро-шо, жили все те люди, с которы-ми ты был знаком с детства, дру-жил с ними, с их родителями, с их детьми, — и ты ощущал себя как паука в центре огромной паутины, ты был связан со всем тысячами ниточек, а теперь все, что было родным и привычным, — мы же любим то, к чему привыкли, а не то, что нас призывают любить, — все это поуезжало, все развали-лось, ниточки все оборвались, и ты себя ощущаешь в пустоте. Не за что схватиться. Нет, жизнь не кончилась. Для кого-то. Там, ко-нечно же, идет какая-то своя, на-верное, такая же интересная и хо-рошая жизнь, но ты уже в нее не войдешь. Тебя она оставила на берегу. Ищи новую. Да, для меня та жизнь рухнула. Но в этом нет трагедии. Это просто жизненная драма. Не случись эта, была бы другая. Трагедия в том, что мно-

жество людей погибло или пере-жило ужасные несчастья и стра-дания. Стало уже расхожим при-словием: погиб не герой, погиб хор.

— Хотя в «Хуррамабаде» описаны и проблемы таджиков, но в основном это проблема русских в Тад-жикистане и шире — русских за пределами России. Как ваш роман может быть воспринят самими таджиками?

— Думаю, что хорошо. У меня есть близкий друг, которого я не видел вот уже два года, Зиё Аб-дулло. Таджикский поэт, которо-му приходится сейчас там очень тяжело, просто по экономичес-ким причинам, — так вот он все это приветствует и даже перевел два рассказа, обещал напечатать в газете, но пока еще не напечатал. Я думаю, и таджикам, и татарам, и евреям, и чувашам, и чукам это будет примерно одинаково интересно. У меня никогда не было внутренней цели писать о несчастьях русских. Я не считаю, что русские несчастья отличают-ся от каких бы то ни было других. Несчастья уравнивают всех, ста-новятся понятны, что если сли-шно солоно, то всем солоно при-мерно одинаково.

— В том виде, в каком «Хурра-мабад» фигурировал на Антибуке-ре, для меня по крайней мере, он представлял очень целостное про-изведение, в первую очередь бла-годаря композиции. Первая новел-ла — это как бы вход русских в Тад-жикистан, последняя — исход.

Вы считаете, русским стоило туда входить, чтобы так вот уйти?

— У меня на этот вопрос отве-та нет. И вообще этот вопрос из области «а стоило рождаться на этот свет или нет»? Когда ты рождался, ни ты его никому за-дать не мог, ни тебе его не зава-ли. Исторический процесс был таков, что все произошло именно так. Можно указать на некоторые плюсы, можно указать на неко-торые минусы — как в судьбе русского, так и в судьбе таджикского народа. Таджикистан из действи-тельно отсталой окраины цар-ской России превратился в худо-бедно индустриальную республи-ку. Я не утверждал, что Таджи-кистан сейчас живет в нормаль-ных условиях. Он перешел страшнейшую гражданскую вой-

ну. Там, по разным оценкам, по-гибли от 30 до 120 тысяч человек. Беженцев было около двух мил-лионов. Душанбе был наводнен беженцами. Таджикский народ живет в условиях — я не этно-граф, но мне так кажется — хоро-шо сохранившегося традицион-ного общества. Сильные вековые устои, семейные традиции. Вли-яние советской власти и русских было в этой сфере очень незна-чительно. Все это как было, так и осталось. Как дети стариков ува-жали, так и уважают. Не знаю, как сейчас, но раньше если в пе-реполненный автобус входил по-жилой человек, русский или тад-жик, не важно, кто-нибудь из мальчиков обязательно вскаки-вал и уступал место.

— А как вы вообще пишете?

— Я пишу непрофессионально. Я не профессиональный писа-тель. Я не могу сидеть и все время писать. Это не моя работа. Я могу писать, когда у меня в голове на-чинается какое-то жуужание, возникает какой-то нестерпимый зуд. Он может продолжаться дол-го, год или два. Рассказ «Сной» года два у меня зудел, зудела по-следняя фраза, и только потом все это облеклось в какую-то форму. Видимо, для меня это ка-кой-то психотерапевтический прием. Я не сознательно этим за-нимаюсь, а почти бессознательно — как собака идет и ест какую-то траву, про которую она почему-то знает, что именно ее надо есть, если у нее порезана лапа. Вот я тоже так сажусь и начинаю что-то писать. Есть известная фраза из стихотворения Тициана Табидзе — не я пишу стихи, а стихи пишут меня.

— То есть вы к литературе отно-ситесь как бы эгоистически?

— Да, выходит, я к литературе

отношусь как бы эгоистически. Я литературу очень люблю, потому что, читая книгу, я могу оценить те усилия, то волнение, то чело-веческое напряжение, которые потребовались автору, чтобы вы-тащить из его жизни необходи-мые слова и поставить их в тот необходимый и достаточный ряд, чтобы я понял, для чего она сде-лана.

— Кого из современных писате-лей вам интересно читать?

— Мне интересно читать мно-гих писателей, но близких писа-телей у меня мало. В этом смысле я склоняюсь к нашим старым традиционным авторам типа Ас-тафьева. Инстинктивно, интуи-тивно, что ли, я разделяю все-та-ки литературу, которая пишется, чтобы быть литературой, и тексты совершенно другого рода, кото-рые являются отходами жизни. Второго рода тексты для меня го-раздо более ценны. Для меня го-раздо более ценными являются не те книги, которые пишут лю-ди, а те книги, которые управля-ют людьми. Из них потом полу-чается «Война и мир» и так далее.

— Вы верите, что слово имеет воздействие?

— Как вам сказать... Слово, не-сомненно, имеет воздействие, особенно в армии это хорошо ви-димо. Старшина приказывает рыдально, тот идет и делает, это и есть воздействие слова. С дру-гой стороны, Набоков, весьма уважаемый мной автор, однажды заметил, что для него вопрос об отношении жизни и литературы всегда был предельно понятен и решен с самого начала: ни лите-ратура к жизни, ни жизнь к лите-ратуре не имеет никакого отно-шения. Мы читаем книги по-разному. Потому что мы — раз-ные люди.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»
Андрей Германович Волос ро-дился в 1955 г. в Душанбе. Окон-чил МИНХ и ГП им. Губкина («Ке-росинка»). До 1994 г. работал в Москве как геофизик и програм-мист. С 1979 г. начал публико-вать стихи, стихотворные пере-воды с таджикского в журнале «Памир», альманахе «Поззия» и

других изданиях. Прозу — с 1986 г. Основные публикации в жур-нале «Новый мир», «Знамя». Книга новелл Андрея Волоса «Хуррамабад» получила премию Антибукер-98. На соискание пре-мии была представлена в виде рукописи. Отдельные новеллы печатались в «Новом мире» и «Знамени». Полный текст «Хурра-мабада» не издан книгой до сих пор.

Андрей Волос

А У НАС режим, — сообщил Рахматулло по-русски, но до неузнаваемости коверкая отдельные слова сильным акцен-том. — Э-э-э-э... как это? Да, на-жрема — и лежим!

Он бросил пилу вверх дном на дастархан и, отдуваясь, отвалился на свернутый чепан, заменявший ему подушку.

— Ты так пыхтишь, словно съел не кусок лепешки с чаем, а целый казан плова, — недолово сказал Хуршед.

— Да-а-а-а, — мечтательно про-тянул садовник, поглаживая себя по тощему животу. — И еще боль-шую кашу жирной-жирной шурпы, и немного самбуса — пять штук, и...

— И манты из перепелиных язы-ков, — закончил повар. — Ну, раз-мечтался!

— Из перепелиных языков? Ц-ц-ц! Красиво. Это что-то вроде птичьего молока... Но вообще-то насчет этого ты прав: шутчек семь-восьмь мне бы не помешали... с каймаком и красным перцем...

Хуршед собрал дастархан, страх-нул и спросил, складываясь:

— При чем тут птичье молоко?

Рахматулло извинительно хи-хикнул.

— Не веришь? Ну и простак ты, Рахматулло... Мне Абдували гово-рил. Знаешь старого Абдували? Его дочка замужем за одним кулябцем, и этот кулябец, — Хуршед оглянул-ся и понизил голос, — знает повар, который прежде работал у нашего хозяина... а?... Слышишь?... И этот повар рассказывал, что готовил ему. И не ему одному, а на боль-шую компанию... понял?

— Господи! — с ужасом сказал

Из-под пера

СИРИЙСКИЕ РОЗЫ

Отрывок из новой повести

Рахматулло и благоговейно при-поднял сложенные ладони. — Да где же они взяли столько перепе-лов!

— Кто его знает... ловят люди, наверное. Протяни-ка чайник...

Рахматулло сидел с таким видом, словно перед его взором встал сей-час, требуя ответа за свои заблужде-ния — только сапоги на ко-соторгах топчет. Рахмон пойдет сле-дом — не козла завалит, как мведе-ля... Кекликов ловил. Вот, спраши-вается, как его поймать? К нему на полста шагов не полойти... А он ловил. Силками, наверное. Сетка-ми, что ли. Наловит, поедет в рай-он и продает. Всех продаст — еще наловит. А что ему? Их же полно, только уметь надо. Вот так... А уж кто что ест — это дело десятое. Как говорится, у ворона перо черное, а у лебедя белое. Верно? Нет, я к примеру говорю... Взять того же Рахмона. Он, бывало, берет мешок муки...

— Нет, не может быть! — сказал вдруг Рахматулло, встываясь. — Ну, сам подумай, Хуршед, дорогой!

Ну, вот сколько ты съешь манту-шек? А?

Хуршед задумчиво поцокал язы-ком.

— Смотря каких... если баранина хорошая, луку много... если в каж-дой кусочек курдючного сала...

— Ну, в среднем! Десять штук съешь?

— Съем, — твердо сказал повар. — Я и двадцать съем, если луку много и баранина жирная, и в каждой...

— Положи! Десять, да? Допус-тим, нас пятеро!

— Допустим, — согласился Хур-шед.

— Это уже пятьдесят! Сколько нужно перепелиных язычков, что-бы сделать одну мантушку?

— Смотря какую, — заметил по-вар. — Гиссары маленькие лепят, а на юге как залудят на полкило — в рот не лезет.

— Ну, в среднем же! — взмолился садовник. — В среднем! Ну, десять? Ведь не меньше?

— Может, и десять...

— Это пятьсот! — торжествую-ще сказал Рахматулло. — И что же, ты хочешь сказать, что пятьсот пере-пелов они...

— Ха! — презрительно фыркнул Хуршед. — Тоже мне, удивил — пятьсот! А десять тысяч не хочешь?

Сколько надо — столько и пойма-ют, понял? Люди бы деньги. — Он пинком двинул табурет ближе к двери. — Эх ты, голова садовая! Ес-

ли карман как следует оттопырива-ется, булеш не только перепелов, булеш крокодила кушать, павли-ном закусывать.

Садовник сидел понурившись.

— Ладно, — сказал он со вздохом. — Тебе-то видней. Пойду, что ли. Пора.

Конечно, хотелось попросить у Хуршеда табачку... после чаю оно хорошо бы... да почему-то язык не повернулся. Рахматулло помедлил секунду, потом махнул рукой и в задумчивости побрел к сараю. Пятьсот перепелов! Это мыслимое ли дело?... А может, и больше, кто его знает. Хуршед прав. Кто богат, тот может себе позволить. Конеч-но. Что говорить... Неужели бога-тые и Бога не боятся? Не может быть. Правда, Карим не ходит в мечеть... Но Карим — большой че-ловек, и не садовнику судить, что Карим делает правильно, а что — неправильно... Да, не его это дело. (Невольно оглянулся. Слава богу, его загораживают кусты сирени.)

Но все-таки сегодня как-никак пятница. По пятницам в мечети хорошие молитвы — хутба. Ведь как хорошо бы им вместе с Орифом ту-да заглянуть!.. Выходишь после мо-литвы — будто по лебяжьему пуху шагаешь. Того и гляди, взлетитесь... И потом, люди-то все вялят. Кто ходит, кто нет. Язычков-то хватает у людей. Хоть и с трепетом, хоть и с восхищением его имя произносят,

а все же при случае заметят: мол, в мечети-то его не увидишь... Нет, наверное, не пойдут молиться. Просто Хуршед, как всегда, приго-товит богатое угощение. Сядут в холоде, будут нетерпеливо есть, неспешно разговаривать... Ориф, конечно, выпьет. А в мечеть — нет, в мечеть не пойдут. Ладно, что уж...

Он рассеянно остановился у двери. Что-то ведь хотел... Ах, да... Сунул руку под стопку мешков, нашарил секатор. Новенький, бле-стящий, ручкой красивые, пласти-ковые — еще даже и не испачка-лись. Такой не хотелось оставлять на виду. Рахматулло им гордился вот уже месяца полтора. Старый уж совсем был никкуда... и почи-нить невозможно — что с ним сле-лаешь, если сработалась весь. И все равно целый месяц пришлось клянчить деньги у Музафара. Ну, слава богу, дал в конце концов. Ворчал, конечно, — мол, то одно, то другое. А что одно, что другое? Красть-то тут некому, это понят-но. Но под мешковиной все-таки целее булет. Как-то спокойнее. Подальше положить, поближе возьмешь. Пошелкал лезвиями. Вещь. Прикрыл дверь и пошел к цветнику... Пятьсот перепелов! Уму непостижимо. Если бы на-браться смелости и спросить как-нибудь у хозяина... может быть, врет все-таки Хуршед? Да разве спросишь такое? Карим Бухоро тут же сам спросит: а что тебе ска-зал? Хуршед ведь сказал? А ну-ка, подать сюда Хуршеда!.. А ну-ка, ототрешься потом — Карим, дай бог ему здоровья, уж если в кого вопьется, живым не отпустил... Ес-ли дошло до дела — все. Вон, как в прошлом году, когда к нему генера-л этот пришел. Тремя машина-ми, с охраной. Фу-ты ну-ты. Ох-

ранныки высыпали, сразу к две-рям. Генерал прошел к хозяйну. Уж о чем они толковали, один бог знает. Карим-то никогда голоса не повышал — наоборот, чем тише говорит, тем страшнее. А гостя по первым минутам слышно было, отдельные слова доносились: громко, значит, разговаривал. Ну и вот. Пофыркал, пофыркал — да и скис: сидит виноватый, голову по-весил... а потом просить о чем-то начал... да, похоже было, Карим ему отказал. А через день Музафар между делом газетку принес, а в газетке портрет давешнего генера-ла в черной рамке — слуга отече-ству, мол, то-се, боевой, воевал и все такое, и так написано, что понятно вроде: большой человек, заслу-женный, — ну и вот, а он застре-лялся, оказывается. Как дело-то обернулось. И охрана не помогла. Какая может быть охрана, если сам себя?... А сначала все фыркал... а тут не больно-то пофыркаешь. Ну и вот... Конечно, если бы ме-жду делом как-то навести разговор. Мол, знаете, хозяин, едал я однаж-ды манты из перепелиных язы-ков... вы человек опытный, как ду-маете, сколько их на одну штуку-то идет?... Да ну, и по простям-то делам от ужаса язык заплетается, когда с Каримом разговариваешь, а уж это...

Он нагнулся и осторожно взялся за стебель, покрытый лакирован-ными шипами. Вон какая вымахала... молодец. Стебель длинный, ровный. Красавица. Шелкнул сез-алом и разогнулся, держа розу в левой руке. Поднес к лицу. Мали-ка! Ачам источала аромат. Она пахла нежно, как... нет, не пахла: благоухала словно... словно что? С чем сравнить это запах?

— А-а-а-а... — выдохнул Рахма-тулло. — Господи.

Зачем она такая красивая? Не-

понятно. Ну, допустим, пахнет это ясно: что-то пчела могла найти цветок. А зачем красота? Пчеле-то, должно быть, все равно, откуда брать нектар. Им вон на фанерку сахара насыпать, водой брызнуть — так со всей округи слетятся. С фанерки им еще лучше. Значит, даже если бы роза была фанеркой, они бы все равно к ней полетели. А за-чем тогда роза такая красивая? Де-душка Назри говорил, что бог со-здал часть вещей, чтобы они печа-лили человека, а часть — чтобы ра-довали. Может быть, поэтому? Но разве роза радует? Да, она радует, конечно, но одновременно и печалит. Потому что она прекрасна. Она так прекрасна, что, наверное, бессмертна. Да, да... а как иначе? Если нет, то почему она кажется такой настоящей?... Вот иногда ду-машь: разве все это — жизнь? Нет же, это просто сон... Все пройдет: и страх, и смерть, и радость, и беда, и голод, и сытость, и нищета, и день-ги, и сила, и немощь, — а роза будет цвести. Разве может коснуться ее страх или смерть? Нет, роза будет так же прекрасна. И печальна. А красота ее — так же непостижима... Вот и жмимается, плачет сердце от этого великолепия: никогда, ни-когда не достичь красоты!..

Он осторожно положил срезан-ный стебель на соседний куст и по-тянулся ко второму. Шелк!

— Господи.

Нужно взять у Хуршеда старый кумган и налить воды. Он наберет-ся смелости, подойдет к хозяйну и скажет: Карим-ака, кажется, у вас сегодня тяжелые мысли. Вот вам розы, пусть они радуют ваше серд-це. Жизнь так тяжела, Карим-ака. Это Малика! Ачам, Карим-ака, сирийский сорт. Вы с Орифом бу-дете обедать и смотреть на розы. Не браните меня, хозяин.

Шелк!